

И. Новомлинскій.

Стихотворенія.

Est. A-17442
И. НОВОМЛИНСКИЙ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1914 — 1921.

Р. KESKARHTV
Первое изданіе.

Печатано в типографіи С. Сонги, Верро.
1922.

Представь, какъ нѣкогда жрецы на жертвоприношенъе

3

Къ художества святому алтарю
Служа искусству я свои произведенья
На судъ народный смиренно отдаю...

Я не ищу. друзья, ни славы, ни хваленій
Пусть безъимяннымъ въ могилѣ я усну
Лишь-бы сыны Эстоніи, грядущихъ поко-
лѣній,
Идя священнодѣйствовать къ тому-же ал-
тарю

Семьею дружною, отцовъ храня завѣты,
Въ часы досужіе, чрезъ многіе года,
Тѣ пѣсни вспомнили, что мной когда-то
спѣты
Коснувшись памяти моей и моего труда...

Звучите громче же свободной Эсти струны
Во имя доблести, добра и красоты
И мечъ на страхъ врагамъ Твой съ лирой зла-
тострунной
Вѣнкомъ нетлѣннымъ оплетутъ художества
цвѣты!..

1921.

* * *

Забудьте о себѣ.

5

Не для себя, для нихъ, потомковъ
отдаленныхъ, для родины своей, изму-
ченной въ борьбѣ, для рыцарей ея,
въ грядущее влюбленныхъ —

Забудьте о себѣ!..

Вспарите, какъ орлы, отбросивъ
осторожность, съ презрѣніемъ къ
врагу, съ довѣріемъ къ судьбѣ — и,
чтобы дать странѣ спасенія возмож-
ность —

Забудьте о себѣ!!.

Забудьте о себѣ и сердцемъ вдох-
новеннымъ отвѣтите на призывъ —
отдать ей все, что есть; и будетъ от-
кликъ вашъ для васъ вѣнкомъ не-
тлѣннымъ и будетъ вамъ въ вѣкахъ —

Признаніе и честь!!!

1919.

* * *

Павшимъ героямъ.

Вы спите... Вамъ чужды желанія,
страсти и горечь страданія жизни
земной...

Нѣма и таинственна Ваша обителъ.
Глубокъ, непробуденъ Вашъ сонъ
вѣковой...

Блестящій лучъ солнца рѣзвась и
играя по Вашимъ могиламъ безшумно
скользить,

Луна съ высоты, своимъ блѣднымъ
сіяньемъ, съ любовію кроткою все
серебрить...

Деревья листвою своею Васъ покрываютъ,
вокругъ Васъ ряды незабудокъ
растутъ

И горлицы нѣжно надъ Вами воркуютъ,
малиновки пѣсенки сладко
поютъ.

Своею волшебной, чарующей сказкой,
баюкаетъ Васъ золотая весна,

Надъ Вами витаетъ зефиръ легко-
крылый, синѣетъ прозрачныхъ небесъ
глубина...

Проносится время на крыльяхъ мо-
гучихъ своей неизбѣжной и ровной
чредой,

Ничто не тревожить, ничто не сму-
щаетъ въ обители Вашей глубокий
покой!!.

* * *

1919.

Христось Воскресь!..

„Христось Воскресь“! — Грохочутъ
пушки,

„Христось Воскресь“! — Шипить
снарядъ,

И обсыпаетъ деревушки, какъ дождь,
огнемъ шрапнельный градъ...

„Христось Воскресь“! — Съ аэро-
плана шумить вертящійся моторъ.
И, въ боевыхъ волнахъ тумана, полки
подняли къ небу взоръ!..

„Христось Воскресь“! — Журчатъ
 потоки,
 „Христось Воскресь“! — Шумить
 рѣка,
 „Христось Воскресь“! — На бран-
 номъ полѣ—
 Поютъ Эстоніи войска!..

„Христось Воскресь — Христось
 Воскресь“!
 Несетъ изъ тучъ весенній громъ,
 А имъ въ отвѣтъ бойцы всѣ хоромъ—
 „Христось воистину Воскресь“!..

1919.

* *

Дай тебѣ Боже родная земля,
 Мира, свободы, покоя!
 Какъ эти села, какъ эти поля,
 Крѣпко сроднились съ душою!..

1920.

* * *

Юнымъ поколѣніямъ Эсти. 9

На дворѣ ужъ холодная осень,
Не шепчуть деревья листвою;
На долго-ль простилися люди
Съ привѣтливо-теплой порой?..

Настанетъ и юношамъ осень,—
На осень заропщутъ они
И вспомнятся съ горечью въ сердцѣ
Счастливые вешніе дни!..

Работайте-жъ, отроки Эсти,
Пока мѣсть есть силы и умъ
Когда еще бодры, вы крѣпки
И полны возвышенныхъ думъ!!.

Но поздно ужъ будетъ трудиться
На счастье Эсти родной,
Когда изнеможете тѣломъ
Устанете сильно душой!..

Верро. 1920.

Я люблю истомленное, скучное, я люблю все печальное, блѣдное, все съ тоскою земной неразлучное, угнетенное, сѣрое, бѣдное!..

Я люблю все судьбой обойденное и безжалостно жизнью разбитое, злой неправдой людской оскорбленное, одинокое и позабытое!..

Я люблю все, что жаждетъ участія и отъ мукъ своихъ ждетъ избавленія и въ любви этой все мое счастье и залогъ моего вдохновенія!!.

1915.

Въ разлукѣ.

Бываетъ такъ... въ тиши ночной одинъ въ душѣ переживаю все то, что сказано тобой...

И грустно мнѣ, а ты не знаешь!..

Бываетъ такъ... хотѣлъ бы я все рассказать, о чемъ мечтаешь, о комъ болить душа моя...

И грустно мнѣ, а ты не знаешь!!.

Бываетъ такъ... тебя съ тоской 11
и нетерпѣньемъ ожидаешь, но все
одинъ въ тиши ночной...

И грустно мнѣ, а ты не знаешь!!!

1916.

* *
*

Грустное чувство, какъ день уга-
сающій, льетъ свой торжественный,
благостный свѣтъ — всеисцѣляющій,
всепримиряющій, жизни прощальный
и грустный привѣтъ...

Съ тайною скорбью, душою сму-
щенной я провожаю сей дивный за-
катъ... Сердце тревогой разлуки стѣс-
ненное, волны сіянія, не веселятъ!..

1918.

Думы ночныя.

Думы ночныя, вы думы тяжелыя;
Какъ вы томите тревожной тоской —
Радости свѣтъ и узоры веселые,
Все вы закрыли туманною мглой...

Тихо плетутся часы безконечные;
Время, какъ будто, злой духъ
заковаль —
Съ неутомимою жаждою вѣчною,
Въ злобѣ безсильной весь міръ
застоналъ...

Все, что въ душѣ затаилось недобраго;
Мечь за обиды, тоска о быломъ,
Все, что боялось - бы разума бодраго,
Призракомъ встало во мракѣ ночномъ!!!

Тянутся длинной грядой неотступные
Думы, одна все другой тяжелѣй;
Слезы заискрились, жгучія, крупныя,
Хоть-бы ужъ день, хоть-бы свѣтъ
 поскорѣй!!!

1918.

* * *

Родина, мать моя милая,
Въ долгія ночи безсонная —

Греза меня легкокрылая,
Мчить въ твои рощи зеленая...

1914.

День за днемъ убѣгаетъ въ туман-
ную даль,

13

Умираетъ мечта за мечтою
И минутную радость, любовь и печаль
Все смываетъ житейской волною...

Пережитыя думы суровыхъ заботъ,
Душной жизни тяжелое бремя;
Все куда-то съ собой навсегда
унесетъ —
Безпощадно суровое время...

И съ годами безслѣдно забудутъ
тебя
И другое уже поколѣнье,
Будутъ также бороться — томясь и
любя,
Чтобъ отдать свое имя забвенью...

1916.

* *
‡

Волны катятся одна за другою —
Съ плескомъ и шумомъ глухимъ;
Люди проходятъ ничтожной толпою —
Также одинъ за другимъ...

Волнамъ ихъ воля и холодъ
дороже—

Знойныхъ полудня лучей;
Люди хотятъ имѣть души... и
что - же?!.
Души въ нихъ — волнъ холоднѣй!!.

* *
*

1917.

Вся наша жизнь земная — безсонной
муки сонъ,
Вся наша жизнь земная — намокъ и
полусонъ.

Нашъ день—лишь отблескъ слабый,
Безъ свѣта, безъ огня,
Нашъ день — лишь отблескъ слабый,
Негаснущаго дня...

Желанья и надежды, весь рой зем-
ныхъ заботъ;
Желанья и надежды намъ говорятъ:
„впередъ“!

А впереди, — забвенье и вѣчное —
„Ничто“!!.

* *
*

1915.

Бѣдные мы, бѣдные, люди на
землѣ,
Мечемся, затянутые въ огненномъ
узлѣ...
Дни, улыбокъ солнечныхъ, слишкомъ
коротки,
Слишкомъ долги мѣсяцы рѣжущей
тоски!..

Бѣдные, мы бѣдные! Ищемъ, вѣримъ,
ждемъ,
И, мечтой обмануты, вновь къ мечтамъ
идемъ,
Словно, дѣти глупыя — думая
опять
Нѣжности и близости встрѣтить бла-
годать...

Бѣдные, мы бѣдные... изъ желан-
ныхъ глазъ,
Вѣчно отчужденіе смотрится на насъ;
И, непониманіемъ вѣчно холодна,
Между полюбившими высится стѣна...

Лгутъ сердца участіемъ, страстью
лгутъ уста;
Всюду одиночество, всюду пустота...

Бѣдные, мы бѣдные.... гдѣ же намъ
найти

Къ лучезарной радости вѣрные пути?!

1917.

* *
*

Пытливый разсудокъ все ищетъ
разгадки,
Съ нимъ, вмѣстѣ, томится и стонетъ
душа; —
Невѣдомый міръ даритъ лишь до-
гадки,
И движется мимо совсѣмъ неспѣша!

Въ глухіе часы тишины предраз-
свѣтной
Покоится мирно природа во снѣ,
Безмолвье вселенной, идеей пре-
красной,
Безжалостно манитъ разсудокъ къ
мечтѣ!..
Усталый, разбитый отъ поисковъ
праздныхъ,

Плетется въ пространствѣ съ поник-
шей главой—
Искатель смущенный, изжившій свой
вѣкъ, —
Со злобой безсильной въ очахъ —
человѣкъ!!.

17

* *

1920.

Я грущу оттого, что румяная даль
Погасаетъ въ лучахъ догорѣвшаго
дня
И туманъ предо мной, словно при-
зракъ возсталъ,
Какъ злодѣйка — печаль на душѣ у
меня...

Изъ воспоминаній о міровой войнѣ.

* *

Ночи ненастные, ночи туманные,
свистомъ орудій и пуль оглашенные,
ночи безсонныя, ночи страданія, ночи
тревоги и ужаса полныя!..

Въ васъ все сокрыто отъ насъ неизвѣстное, въ васъ все таится судьбой обреченное — горе и радость и счастье случайное!!.

Вы однѣ знаете мракъ свой невѣдомый, намъ же въ отвѣтъ вы лишь шлете молчаніе...

Какъ заглянуть въ вашу бездну
туманную?

Какъ разгадать бытіе ваше вѣчное?

Ночи къ разсвѣту лишь озаренныя, свѣтомъ разсѣяннымъ мглистаго утра... Ночи томленія, ночи терзанія — полныя мукъ и нѣмого страданія!..

1916.

* * *

Утро дождливое, хмурое, сѣрое;
Утро холодное, утро сырое —
Съ порывами вѣтра, съ печальными
думами
Съ тучами мрачными, тяжелыми, грозными...

Землянки унылыя средь лѣса дыми-
лись,

19

А небо рыдало и слезы катились,
Дымъ синій клубами тянулся къ бо-
лоту —

Природа - жь свершала въ слезахъ
тѣхъ работу...

Бродилъ я межъ пней этимъ утромъ
ненастнымъ,

Отвѣта на мысли искалъ я напрасно—
Душа была полная чувствомъ пре-
краснымъ,

А сердце сжималось отъ боли ужасно!..

Утро безмолвное, утро спокойное,—
Раннее утро съ тревогой большой;
Утро сонливое, мокрое, скучное,
Чѣмъ, ты, ободришь усталыхъ душой?!

1916.

Въ Румыніи.

Какая глушь вокругъ! Лѣсистыя
Карпаты
Сурово сторожатъ покой нѣмыхъ
долинъ,

Недвижимы лѣса, взбѣжавшіе на скаты
И заострившіе холмы сѣдыхъ вер-
шинъ...

Протянется обозъ, раздастся рѣчь
солдата

И ей откликнется вдругъ эхо дикихъ
горъ,

И снова тишина — и снова сномъ
объяты

Лѣсистые холмы, сковавшіе про-
сторъ...

И, кажется, война давно ужъ
миновала,

Утихнуль рокоть битвъ и ярость
бранныхъ бурь

И радостно сверкаетъ надъ снѣж-
нымъ покрываломъ

На утро ясная небесная лазурь...

Но это лишь мечта! Спать чутко
великаны;

И вспыхнетъ лишь вдали голодныхъ
пушекъ ревъ,

Средь дикихъ горъ родятся уроганы

И сброшенъ сна таинственный покровъ.

Мало насъ, куда же гонять? —
 Нѣтъ вокругъ живой души,
 А изъ тьмы несутся стоны —
 То проклятья, то мольбы!!!
 Дуетъ вѣтеръ — глазамъ больно:
 Ноги ужъ совсѣмъ не идутъ,
 А тоска и грусть тупая,
 Сердце бѣдное грызутъ...
 Вѣтеръ крѣпнетъ, вѣтеръ злится,
 Шумъ деревьевъ все глушитъ,
 А больное воображенье —
 „Нѣтъ спасенья“ — говорить!..

1915.

Тихій полдень...
 Дымитъ труба... Кипитъ вода...
 Солдаты кричатъ: „Пить чай пора“!..
 Попивъ чайку иду по тропкѣ,
 Смотрѣть на германа окопы...

Дымокъ клубится тамъ вдоль лѣса;
 Слышенъ топоръ у нѣмца —
 Вотъ виденъ новенькій окопъ,
 Какъ видно, много тамъ заботъ...

Надъ нами небо голубое,
 А въ немъ шумящій „еропланъ“,
 По немъ шрапнелька рвется наша ---
 Посмотримъ, какъ уйдешь, ты „панъ“!..

Озеро Вишневское, 1916.

Чья это могила, кто въ полѣ
 зарыть?
 И крестъ-то разломанъ и холмикъ
 разрыть..
 Чья жизнь здѣсь угасла? Чей кон-
 чился путь?
 Кому суждено здѣсь на-вѣки уснуть?..
 Былъ найденъ когда-то истлѣвшій
 мертвецъ,
 Но тайной осталось — чей былъ
 здѣсь конецъ...

1914.

Тучи свинцовыя ходять по небу,
 Дождикъ чуть-чуть моросить;
 Всѣ мы измучились, всѣ такъ устали.
 Снова кровавый намъ бой предстоитъ...

Поле широкое, поле забытое;
 Солнце усталое, лошадь убитая,
 Пахарь несчастный, оставленный
 плугъ —
 Жизни картина полная мукъ!..

Поземки, 1916.

* *

Печка топилась, варилась картошка,
 Солдаты сидѣли кружкомъ предъ
 огнемъ,
 Лица ихъ были спокойныя — грозныя,
 Лица съ загаромъ кровавыхъ боевъ...
 Много страдалъ нашъ солдатъ бо-
 гатырь,
 Горькую чашу до-дна онъ испилъ!..

ф. Эльзбецинъ. 1916.

Тѣни прошлаго.

Отчего мнѣ не спится? Отчего
 предо мной, тѣни прошлаго встали
 толпою и тревожатъ усталую душу
 мою и мой мозгъ подавляютъ собою?..

Тѣни прошлаго черной кошмарной
 толпой, поднялись изъ пространства

былого; и не сплю я всю долгую ночь
напролетъ, и терзаюсь, и мучаюсь
снова!..

Отчего мнѣ не спится въ осеннюю
ночь, непросвѣтнаго мрака ненастья?..

Отчего я одинъ, позабытый, боль-
ной, безъ чарующей ласки участя?..

Отчего въ моемъ сердцѣ горитъ
неизбывная тяжесть страданья?!

Моя жизнь — это тоже осенняя ночь,
ночь безъ сновъ, безъ любви и меч-
танья...

1918.

Печальная сосна.

Въ сухомъ бору сосна стоитъ —
растетъ,
Во чистомъ полѣ мятель гудитъ —
поетъ...

Надъ землею тучи черныя шатромъ,
На землѣ — снѣга пушистые ковромъ...

Вьюга, холодъ, но печальная сосна,
Неизмѣнно, какъ весною зелена...

Возвратится-ли веселая весна?
Пробудится-ли природа ото сна?

Прояснѣють, улыбнутся небеса,
Въ листьѣя нѣжные одѣнутся лѣса...

Заблестить сквозь зелень ландышъ
серебромъ,
Засинѣтъ незабудка надъ ручьемъ!..
Взглянетъ солнце съ неба чистаго
свѣтлѣй

И зальется звонкой пѣсней соловей...

Все попрежнему печальна — зелена,
Думу думаетъ тяжелую сосна!..

1918.

* * *

Холодный свѣтъ луны унылой,
На землю льется съ высоты;
Рождая жизни, сны забытой
Въ безплотныхъ призракахъ мечты!!.

Печеры. 1920.

Полоса.

Тучи черныя закрыли небосклонъ,
Солнце яркое попало во-полонъ;
Загрустилъ веселый майскій день,
Погрузились поля злачныя во тѣнь...

Не гони, ты вѣтеръ, тучекъ гро-
 зовыхъ,
 Не лишай насъ крупныхъ капель
 дождевыхъ,
 Ороси поля горячія дождемъ!..
 Шепчетъ тихо колось съ колосомъ
 тайкомъ...

Гордый вѣтеръ дулъ сильнѣе и
 сильнѣй
 Не внимая скромной просьбѣ той
 совсѣмъ...

Разорвались тучи грозныя въ куски,
 Понеслись по бѣлу свѣту вразпуски;

Взволновалась нива пыльная тогда,
 А колосья ждали влаги безъ конца...

Улыбнулось, красно-солнце веселѣй,
 А взоръ нивы становился все темнѣй,
 Засинѣли, просвѣтлѣли небеса —
 Такъ осталась неполитой полоса!..

Печеры, 1920.

* *
 *

Любилъ я очи черныя,
 Теперь влюбился въ сѣрыя..
 Тѣ были непокорныя,
 А эти очень смѣлыя...

Осенняя пѣсня.

29

Мечутся листья гонимые вѣтромъ,
Кружатся, шумно спадая къ землѣ,
Въ голомъ лѣсу, какъ-то вдругъ опу-
стѣломъ

Плачутъ они о прошедшей веснѣ!..

Шепчутъ, какъ будто, тѣ листья
уныло,

Мнѣ вспоминая прошедшіе дни:

„Гдѣ твоя бодрость?“ „Гдѣ твоя сила?“

„Гдѣ твоя юность?“ — мнѣ шепчутъ
они!..

Мечутся листья, гонимые вѣтромъ,
Кружатся, шумно спадая къ землѣ;
Въ голомъ лѣсу, ужъ давно опустѣломъ,
Съ ними я плачу о прошлой веснѣ!..

1916.

* * *

Полночь глухая... все спитъ...
И міръ, какъ кладбище безмолвенъ!..
Прислушайся къ думамъ твоимъ!
Молчитъ ли твой умъ? Прислушайся
къ сердцу! Безмолвно-ль оно?! Нѣтъ,
милый другъ, въ жизни сей нѣтъ

тишины абсолютной; безмолвна лишь
смерть, но и въ этомъ безмолвьи
есть что-то, что тихо, и смѣло, и
сладко душѣ говорить!..

1920.

* *
* *

Угрюмой осени мертвящая рука,
Уныніе и мракъ повсюду разливаеъ,
Холодный, бурный вѣтеръ поля опу-
стошаетъ
И грозно пѣнится реющая рѣка...

Рига, 1914.

* *
* *

Осыпаются пышныя розы,
Облетая траву лепестками;
И росы серебристыя слезы,
Холоднѣй и обильнѣй утрами...

Холоднѣе сіяютъ утрами,
И лучи золотые восхода —
Подъ осенними солнца лучами,
Тихимъ сномъ засыпаетъ природа.

Тихимъ сномъ засыпаетъ природа,
Какъ царица прекрасная сказки —

И лазури небеснаго свода,
Поблѣднѣли блестящія краски...

Поблѣднѣли блестящія краски,
Но смирилась и горестъ сомнѣній —
Сердце полно смиряющей ласки —
И покоя и грусти осенней...

1914.

* * *

О! если-бъ крылья, да крылья,
Если-бъ доля, да доля —
Не было-бъ мысли безсилья,
Не было-бъ слова: „неволя“!..

Элегія.

Почему надъ зеркальной поверхно-
стью водъ,
Такъ пронзительно чайки кричатъ?..
Точно дѣвушки водятъ, кружась хо-
роводъ,
Но ихъ пѣсни тревогой звучатъ!..

Эти пѣсни — послѣдній прощаль-
ный обрядъ
Надъ подругой, покинувшей ихъ
И, купая въ водѣ бѣлоснѣжный нарядъ,
Чайки блещутъ въ лучахъ золотыхъ...

Бреду безъ дороги, скитаюсь, какъ 33

нищій,

Въ осеннемъ туманѣ уныло живу,
И жизни ищу я на старомъ кладбищѣ,
Среди мертвецовъ прохожу и зову...

По старымъ могиламъ бреду оди-
ноко...

Давно отлетѣли сплетенія грёзъ:
Ихъ вмѣстѣ съ увядшей листвою далеко
Скучающій, воющій вѣтеръ унесъ!..

1910.

* *
*

Октябрь шумить... Во тьмѣ ночей,
Холодный вѣтеръ завываетъ;
И пламя рѣдкихъ фонарей,
Съ какой-то злобой задуваетъ!..

Рига, 1914.

Въ сумеркахъ разсвѣта.

Блеснулъ лучъ солнца золотистый,
Вершины башенъ озарилъ —
И заглянувъ въ ручей притихшій
Небесны дали отразилъ...

Исчезли призраки и тѣни,
Умчавъ съ собой волшебный міръ —
И съ нимъ завѣтные напѣвы
Судьбы обманчивой мечты...

На листьяхъ влажныхъ и цвѣтахъ,
Дрожать росы холодной капли,
Какъ слезы крупныя въ очахъ
Неразлученнаго съ печалью!..

Пещеры, 1920.

Мѣняя каждый мигъ свой образъ
прихотливый,
Капризна, какъ дитя и призрачна,
какъ дымъ;
Течеть повсюду жизнь въ тревогѣ
суетливой,
Великое смѣшавъ съ ничтожнымъ
и смѣшнымъ!..

Юрьевъ. 1914.

Родные могилы.

Ахъ, что такъ уныло березы шумять?
О чемъ же тоскуя, онѣ говорятъ?

Исчезли призраки и тѣни,
 Умчавъ съ собой волшебный міръ —
 И съ нимъ завѣтные напѣвы
 Судьбы обманчивой мечты...

На листьяхъ влажныхъ и цвѣтахъ,
 Дрожатъ росы холодной капли,
 Какъ слезы крупныя въ очахъ
 Неразлученнаго съ печалью!..

Печеры, 1920.

Мѣняя каждый мигъ свой образъ
 прихотливый,
 Капризна, какъ дитя и призрачна,
 какъ дымъ;
 Течетъ повсюду жизнь въ тревогѣ
 суетливой,
 Великое смѣшавъ съ ничтожнымъ
 и смѣшнымъ!..

Юрьевъ. 1914.

Родныя могилы.

Ахъ, что такъ уныло березы шумятъ?
 О чемъ же тоскуя, онѣ говорятъ?

О чемъ соловей, заливаясь поетъ?
 Они только знаютъ, кто слезы тутъ
 льетъ.
 Въ тѣни двѣ могилы подъ хладной
 землей,
 Въ нихъ спятъ — моя мать и отецъ
 мой родной!
 О, какъ я любилъ ихъ! Какъ жарко
 меня,
 Любили они до послѣдняго дня.

Шумите-жъ березы и теплой росой
 Кропите могилы, какъ я, ихъ слезой!
 Ты пой свою грустную пѣснь, соловей,
 Она отголосокъ души вѣдь моей!..

Цвѣтокъ.

Я знаю цвѣточекъ, красой онъ
 своей
 Дороже мнѣ злата, серебра онъ
 милѣй.
 Кому тотъ чудесный цвѣточекъ
 расцвѣлъ,
 Ужъ здѣсь не земное тотъ благо
 обрѣлъ.

Онъ въ радостный часъ, какъ и
 въ часъ роковой,
 Поить ароматомъ, сливаясь съ душой.
 Коль въ буряхъ житейскихъ мы гиб-
 немъ средь бѣдъ,
 Онъ насъ утѣшаетъ, какъ счастья
 привѣтъ.

О мигъ вождѣленный, когда на пути,
 Судьба насъ сподобитъ цвѣтокъ
 тотъ найти.
 Да будетъ блаженъ, кто мнѣ от-
 далъ въ залогъ,
 О дружба, твой милый, прекрасный
 цвѣтокъ!
 1915.

Липы.

Не забыть мнѣ того впечатлѣнья,
 Что навѣяло лѣтней порой
 Въ часъ вечерній подъ липовой сѣнью
 Вдохновенья крылатой мечтой.

Было время: заря догорала,
 Золотилась верхушекъ листва,
 Переливами ярко сверкала,
 Какъ чистѣйшихъ алмазовъ игра...

Трепетали отъ нѣжныхъ лобзаній
 Вѣтерка лепесточки порой,
 Легкій шепотъ невинныхъ сказаній
 Долеталъ ко мнѣ искрой живой...

Много было въ нихъ нѣжныхъ при-
 знаній
 Страстнолюбящихъ, пылкихъ сердець
 И разбитыхъ надеждъ и терзаній...
 Все повѣдалъ мнѣ шепотъ—пѣвецъ.

Здѣсь гуляли влюбленные пары,
 Въ этихъ сводахъ аллеи густой;
 Къ нимъ слетали и грезы и чары
 И порывы любви молодой...

Здѣсь не разъ голосъ звонкій и
 нѣжный
 Разливался подъ сводами липъ,
 И чарующей пѣсней мятежной
 Забывалась пѣвица въ тотъ мигъ...

Здѣсь же юноша съ сердцемъ раз-
 битымъ
 Тѣмъ же липамъ тоску изливалъ
 И страданьямъ своимъ пережитымъ
 Утѣшенья въ аллеѣ искалъ...

Уже зорька совсѣмъ догорала —
 Потемнѣлъ и блѣднѣвшій закатъ —

Ярко звѣздочка въ небѣ горѣла —
Липы стихли — листвою не шумятъ...

Чурлюны. 1916.

* * *

Страшно въ могилѣ холодной и
темной!

Вѣтры здѣсь воютъ, гробы трясутся —
Бѣлыя кости стучать!..

Червь кровоглавый точитъ умер-
шихъ,

Въ черепахъ желтыхъ жабы гнѣзятся,
Змѣи въ крапивѣ шипятъ!..

Тамъ обитаютъ черныя вороны,
Алчныя птицы, хищныя птицы
Съ ревомъ за трупы грызутся!..

Сырость со мглою, густо мѣшаясь,
Плаваютъ, тянутся въ воздухъ душ-
номъ...

Древо безъ листьевъ стоитъ!..

Странникъ боится мертвой юдоли;
Ужасъ и трепеть чувствуя въ сердцѣ
своемъ,

Мимо клоаки спѣшить!..

Тихо въ могилѣ, мягкой, покойной,
Вѣтры здѣсь вѣютъ — спящимъ про-
хладно,

Травки, цвѣточки растутъ!..

Крѣпокъ сонъ мертвыхъ, сладо-
стенъ, кротокъ;

Въ гробахъ нѣтъ бури;

Нѣжныя птички пѣснь на могилахъ
поютъ...

Маленькій кроликъ, въ травкѣ зе-
леной,

Съ милой подружкой своей отдыхаетъ;

Голубь на вѣточкѣ спить...

Тихо струится въ воздухѣ свѣтломъ
Паръ благовонный синихъ фіалокъ,
Бѣлыхъ жасминовъ и лилій прекрас-
ныхъ.

Странникъ усталый видитъ обитель
Вѣчнаго мира, посохъ бросая,
Тамъ остается на вѣкъ!..

Варшава. 1916.

Роза и піонъ.

Шепчетъ розѣ, склонившись надъ
нею,

Нѣжнолюбящій, пылкій піонъ:

„У твоихъ лепесточковъ я млѣю
Красотою твоей побѣжденъ!

Расцвѣла, ты, красавица пышно
И чиста, непорочна душой,
О тебѣ въ цвѣтникахъ всюду слышно,
Что тебѣ равной нѣтъ ни одной.
Чье сердечко тревожно не екнетъ,
Увидавши тебя хоть разокъ —
И отвергнутый вянетъ и сохнетъ,
Расцвѣсти не успѣвшій, цвѣтокъ!..
Избѣгаешь любви ты, но помни,
Въ годъ лишь разъ расцвѣтають
цвѣты...

Время мчится быстрѣ чѣмъ волны;
Жизнь кратка и лукавѣй чѣмъ ты.“

„Что грозитъ мнѣ, того не боюсь я,
А подвластной я быть не хочу!
Ни любви, ни мечтамъ не служу я
И одну лишь свободу люблю...”

Давно ужъ догорѣла
Вечерняя заря, —
И изъ-за тучъ смотрѣла
Украдкою луна...

Въ саду, въ тиши прохлады, —
Среди густыхъ вѣтвей,
Волшебныя рулады
Выводить соловей...

Цвѣточнымъ ароматомъ
Весь воздухъ напоенъ
И слышится за садомъ
Кузнечиковъ трезвонъ...

Порою полуночной
Зефиръ лобзаньемъ струй
Съ цвѣтовъ срываетъ сочный,
Летучій поцѣлуй...

Сорветъ и, улетаю,
По кустикамъ бѣжитъ,
Листокъ, его встрѣчая,
Въ волнении дрожить...

И шепчуть нѣжно сказки
Листочки и цвѣты —
Про пыль сердечной ласки,
Про грезы и мечты!..

И чудно лѣтней ночью,
Въ таинственную тишь!
Повсюду вѣетъ счастьемъ,
Куда не поглядишь!..

Бѣлгородъ. 1910.

Въ альбомъ.

Альбомъ, раскрытый на столѣ
Лежитъ передо мной...
Что написать на память мнѣ
Красавицѣ молодой? —
О грезахъ, счастьѣ и лунѣ,
О розахъ и о соловьѣ —
Съ любовнымъ, нѣжнымъ бредомъ
Описано поэтомъ...
Я-жъ пожелаю отъ себя:
Единымъ взглядомъ бить въ сердца;
Улыбкой нѣжно-плутовской
Склонять юнцовъ передъ собой!..

Верро. 1921.

Далеко, далеко замирая,
Колокольчикъ звенить подъ дугой...
То уныніемъ грусть навѣвая,
Отдается на сердца тоской,
То залется безпечнымъ весельемъ
И раскатится эхомъ вдали, —
И на сердце пахнетъ дуновеньемъ
Томность нѣги и греза мечты...

Что-то слышится сердцу родное —
Въ этихъ звукахъ напѣвъ не простой —
То разгулье летитъ въ нихъ шальное
Жизнерадостной свѣжей волной,
То, вдругъ, звякнетъ протяжно, уныло,
Похоронную пѣснь заведетъ...
И вокругъ безпріютно, тоскливо...
И гнетущее чувство ползетъ.

Юрьевъ, 1914.

Тропинка.

Я иду по тропинкѣ природной
Неизвѣстно — зачѣмъ и куда?
И судьбѣ повинуюсь холодной,
Поджидаю счастливаго дня!

Дорогой она извивается въ змѣйки,
Обходя непролазную гать,
Но ведетъ чрезъ такія лазейки,
Что приходится шею сгибать!
То ведетъ по откосу крутому,
Гдѣ сорвешься, того и гляди,
То по дикому лѣсу густому,
Гдѣ и жутко и страшно въ глуши...
То, вдругъ, выведетъ вновь на поляну
И ведетъ между злачныхъ полей,
Гдѣ лишь утро подвластно туману,
Прочь гонимому лаской лучей...
И идешь, улыбаясь природѣ,
По извилистой мягкой тропѣ,
Позабывъ о житейской невзгодѣ...
И тепло и легко на душѣ!
То теряется вдругъ подъ ногами;
Исчезаетъ и признаковъ слѣдъ, —
И на ощупь шагаешь полями,
Попадая въ преддверіе бѣдъ...
Но о помощи тщетно зываешь,
Изнуренный тяжелой борьбой,
И къ соломенкѣ взглядъ простираешь,
И хватаешься нервной рукой...
Но, увы!.. всѣ усилья напрасны...

Свѣтлый лучъ далеко впереди,
А пока всѣ мольбы безотвѣтны...
Поскорѣй-бы тропинку найти!
Бездорожье, что буря морская,
Гдѣ зависить судьба отъ волны,
То отбросить въ сторонку шальная,
То по гребню нестеть напрямки...
Отыщу-ли тропу путевую?..
И куда-то она приведетъ?..
Не откроетъ-ли жизнь мнѣ иную,
Безъ волнующихъ сердце заботъ?..
Иль, быть можетъ, судьбой своевольной
Мнѣ намѣченъ конечный удѣлъ:
Вмѣсто жизни счастливой, привольной,
Трехаршинный земельный надѣлъ!..

Новосады, 1921.

Бутонъ розы.

Чашкой лепестковой
Нѣжно окаймленъ
Розочки махровой
Скрывшійся бутонъ...
Скоро развернется,
Чашка упадетъ;

Ароматъ польется,
 Роза расцвѣтетъ...
 Хорошо-бы было,
 Чтобъ шипомъ она
 Не колола-бъ только
 Одного меня!..

1912.

Въ разлукѣ.

Давно-ли свиданіе было межъ нами,
 Теперь часъ разлуки пробилъ роковой...
 Богъ знаетъ, — разлуку быть можетъ
 годами

Продлить суждено злополучной судьбой;
 А вдругъ, никогда не увижусь я съ
 Вами?!

Сжимается сердце при мысли такой...
 Ужели то чувство съ надеждой, меч-
 тами

Я долженъ сносить до доски гробовой?..
 Но, нѣтъ!.. быть не можетъ!.. все
 это на-время...

Я вѣрю, что снова увидимся мы
 И сбросимъ разлуки постылое бремя,—
 И вновь возвратятся былыя мечты!..

Но что, если Вы, не любя мной играли?
 Я былъ Вамъ игрушкой забавы пустой...
 Уѣхалъ отъ Васъ и меня Вы забыли...
 На смѣну явился поклонникъ другой?!.
 Тогда, пусть разлука послужить мо-
 гилой,
 Въ которой зарыта любовь навсегда...
 И лучше остаться въ разлукѣ по-
 стылой,
 А Васъ не видать никогда, никогда!..
 1911.

Волны, о волны житейскія, бурныя...
 Вы сокрушаете силы могучія,
 Грязью житейскою брызжете
 Въ свѣтлыя чувства сердечныя, думы
 завѣтныя!..
 1918.

Гдѣ вы дни мои, дни веселые,
 Ночи лѣтнія—благодатныя?!.
 Гдѣ, ты жизнь, моя радость милая —
 Пылкой юности заря алая?!.
 1920.

Мелькаютъ на спинахъ мѣшки пѣ-
шеходовъ,
При входѣ въ твердыню минувшихъ
вѣковъ, —
Ходъ крестный оконченъ — закры-
лась обитель
Подъ звуки: „Небесный Ты нашъ
покровитель!“

Печеры. 1920.

Изъ юнкерской жизни.

На „Молитву“ М. Ю. Лермонтова.

Въ минуту жизни трудную,
Когда урокъ сдаю,
Подсказку слышу чудную
И кое-какъ говорю...

Есть сила благодатная
Въ подсказанныхъ словахъ,
И мысль едва понятная
Вертится на устахъ...

Отвѣтишь и усядешься —
Познанье далеко,
Съ души, какъ бремя скатится
И такъ легко, легко!..

Чугуевъ. 1910.

R. KESKÄNTY

Вблизи Харькова, тамъ, гдѣ Донецъ,
какъ змѣя, средь крутыхъ береговъ
извивается —

Тамъ Чугуевъ стоитъ на горѣ за
рѣкой,
Въ немъ тюрьма юнкеровъ — воз-
вышается!..

1910.

Сонъ.

Скитаясь по зеленымъ горкамъ
Въ весенній тепленькій денекъ,
Въ мѣстахъ, гдѣ парни юнымъ дѣвкамъ
Поютъ романсы про любовь,
Гдѣ надъ укромной сѣнью дуба
Признанье трепетной души
Находитъ мѣсто въ часъ досуга
Взаимной пламенной любви;
Гдѣ перекатною свирѣлью
Пѣвецъ Авроры, соловей,
Сердца волнуетъ нѣжной трелью
Въ тѣни разросшихся вѣтвей;
Гдѣ въ жаркій полдень отдыхая,

Пастухъ съ пастушкою сидить,
И вѣтерокъ, сны навѣзая,
Листвой таинственно шуршитъ...
Я тамъ усталый, утомленный,
Прилежъ на травку отдохнуть,
Подъ сѣнью тихой и уютной
Мнѣ скоро удалось заснуть...
И вижу сонъ: рой нимфъ прелестныхъ
Безпечно, весело шалить:
То прячется въ кустахъ древесныхъ,
То на поляну вновь бѣжитъ,
То падаетъ въ траву со смѣхомъ,
И смѣхъ разносится кругомъ
Весеннимъ легкимъ вѣтеркомъ
По лѣсу серебристымъ эхомъ...
Рѣзвились нимфы предо мною,
Фиалки рвали на-лету,
Шепчась тихонько межъ собою,
Проворно прятались въ траву...
Но вдругъ, пустились въ перегонку
Шумящимъ роемъ внизъ подъ горку —
Къ рѣкѣ, гдѣ сонная волна
Набѣгомъ моетъ берега...
Волна манитъ своей прохладой —
И нимфы, полныя отвагой,

TARTU ÜLIKOOLI
RAAMATUKOGU

Спѣшать, какъ легкій мотылекъ
На тотъ отлогій бережекъ...
Въ рыбацкомъ углу челнокъ
Уже пархаетъ рой безпечный,
И смѣхъ кругомъ чистосердечный
Бѣжитъ въ пространство по рѣкѣ...
О, сонъ волшебный, ты-ли это?..
И, вмѣсто жданнаго отвѣта
Я пробудился, слышу звонъ...
Вечерній звонъ, вечерній звонъ...
Зачѣмъ, ты, гонишь милый сонъ?!

Верро. 1920.

Новый годъ.

Новый годъ и счастье ново!
Такъ привыкъ ужъ человекъ:
Счастья ждать отъ жизни снова
Каждый годъ, изъ вѣка въ вѣкъ,
Въ наступившій годъ, какъ прежде,
Впереди однѣ мечты —
Съ упованіемъ въ надеждѣ
Средь житейской суеты...
Да на дѣлѣ-то и ясно:
Ищемъ счастья талисманъ,
А что пасмурно и мрачно —

Гонимъ прочь на задній планъ.
 Въ роковомъ житейскомъ морѣ
 Шатокъ путь нашъ по волнамъ, —
 Счастье, радости и горе,
 Правда съ ложью — пополамъ...
 Старый годъ ужъ канулъ въ лету,
 Молодой — вступаетъ въ роль,
 Мчится весело по свѣту...
 Но грядущее — пароль...
 Отдаваясь на поруку
 Всѣмъ превратностямъ судьбы,
 Пожелаемъ же другъ-другу —
 Мира, счастья и любви!..

Тилле, 1921.

Преступникъ.

[Изъ временъ крѣпостного права].

Подъ замками за рѣшеткою
 Скрытъ преступникъ молодой,
 И казенною походкою
 Мѣрно ходитъ часовой...
 Охраняетъ заключеннаго,
 Съ нетерпѣньемъ смѣны ждетъ,
 Отъ хожденья монотоннаго
 Дремота его беретъ...

54 Въ казематѣ думой крѣпкою
Занятъ парень удалой:
Какъ, сойдясь съ дворовой дѣвкой,
Поплатился головой...
Полюбилась Катеринушка,
Полонила молодца;
Да у барина дубинушка
Бьетъ сердито въ два конца...
Дѣвка парню приглянулася,
Да и парень дѣвкѣ тожъ,
Но помѣха подвернулася,
Сердце рѣжетъ, точно ножъ...
Прихоть барская широкая
Въ крѣпостныя времена...
И попала черноокая
Изъ коровницъ въ терема..
Возгордилась Катеринушка
Отъ вольготнаго житья
И забыла, что дѣтинушка
Изнываетъ день-отъ-дня...
Крестъ поставъ любви посѣянной —
До Катюши не достать:
Катериной Алексѣвной
Стала дворня величать...
Пареньку не разъ досталось

За роптаніе въ людской,
И дубинка прогулялася
Вдоль по спинкѣ крѣпостной...
Затаилъ въ душѣ онъ злобушку:
„Не замай, поберегись,
Отомщу-же за зазнобушку,
Только случай подвернись!..“
Вотъ и осень ужъ подкралася;
Ночки стали потемнѣй;
Въ парнѣ местью разгоралось
Сердце съ каждымъ днемъ сильнѣй...
Выбравъ ночь непроглядную,
Давъ въ хоромахъ всѣмъ уснуть,
Онъ съ поспѣшностью злорадною,
Хоть брала изрядно жуть,
Въ часъ полночный пукъ соломушки
Подложилъ подъ уголокъ, —
И лизнулъ огонь хоромушки,
Прорываясь сквозь дымокъ...
Запылало въ мигъ строеніе
Въ морѣ яркаго огня...
Всполошилось все селеніе —
Поднялася бѣготня...
А виновникъ преступленія
На утекъ въ сосѣдній лѣсъ,

Весь дрожа отъ навожденія...
 Да силенъ лукавый бѣсъ...
 Натолкнулъ на дѣло темное...
 Въ искушеніе парень впалъ,
 Нрава тихаго былъ, скромнаго,
 Въ ротъ хмѣльного не биралъ..
 Подъ замками за рѣшеткою
 Скрытъ преступникъ молодой,
 И казенною походкою
 Мѣрно ходитъ часовой!..

1914.

Дождь по крышѣ шумитъ,
 Ночь темна.
 Бѣлый призракъ стоитъ
 У окна.
 Бѣлый призракъ въ саду,
 У плетня,
 Накликаетъ бѣду
 На меня.
 Ворожи и пророчъ,
 Бѣлый сонъ!
 Въ темноликую ночь
 Я влюбленъ...

Сердце каплями росъ
Окроплю

57

И дыханіе розъ
Уловлю...

Все въ природѣ привыкъ
Я любить;

Темной ночи мнѣ ликъ —
Не забыть!..

Дембова-Буда. 1915.

Черница.

Прежде звали Параскевою,
Анной сестры нарекли.
Ахъ, я Господа прогнѣваю —
Снова грѣшный зовъ земли!..
За высокою оградою
Шепчетъ роща въ тишинѣ:
„Съ нами вешними порадуя,
Приходи вечеръ ко мнѣ!“
Мѣсяцъ кончиками острыми
Въ темный склонется пустырь,
Дверь захлопнется за сестрами,
И заснетъ весь монастырь...
Мать—игуменья суровая

Не узнаетъ, гдѣ всю ночь
 Пропадала непутевая,
 И ждала кого-то дочь!
 „Молода я. Надъ канонами
 Не успѣла кровь остыть.
 Съ умирающими звонами
 Трудно юность примирить...
 Подъ ракитой ночку выстою,
 А лишь колоколъ вздохнетъ,
 Передъ Матерью Пречистою
 Уроню грѣховный гнетъ.
 Въ тѣсной кельѣ коврикъ плюшевый
 Я слезами оболью...
 Ангелъ Божій не подслушивай
 Не карай мою любовь!..“

Юрьевъ. 1913.

У озера.

Вотъ озеро, у береговъ затянутое
 ряской;
 На немъ единая ладья, ютится у
 вербы;
 Плакучихъ ивъ нависли надъ нимъ
 вѣтви,

И легкій вѣтерокъ рябитъ поверх-
 ность водъ...
 Вездѣ царить жара и нѣтъ нигдѣ
 пріюта,
 Въ полдневный зной ты всѣхъ ма-
 нишь къ себѣ —
 И позабывъ, хотя, на мигъ, причуды
 жизни,
 Спѣшу скорѣй къ тебѣ, съ тобою
 помечтать!..

В.... 1920.

* *
 *

Вѣтерочекъ колышетъ вершинки
 тихонько —
 Я вспоминаю, что было давненько!
 Дождикъ весенній изъ хмары катился;
 Дѣтскіе годы — я съ вами простился!..

1916.

* *
 *

Чѣмъ жизнь цвѣла, чѣмъ грезы
 дорожили —
 Все отошло отъ сердца навсегда,
 Тоску и ложь въ уста мои вложили

И тѣло изнурили безъ труда,
И нѣжность лютой страстью извратили,
И, вытравили счастье безъ слѣда!..

Не жаромъ ласкъ, не силой уто-
мленья,
Не красотой любимаго лица...
Любовь сильна мечтой самозабвенья
И милостью и жертвой — безъ конца!..

Р. Спяглица. 1916.

Вешнія воды.

Вешнія воды уже зашумѣли,
Бурнымъ потокомъ несутся онѣ;
Весело, звонко стекаютъ ручьями
Вешнія воды однѣ!..

Мысли всѣ наши промчатся, какъ
воды,
Горе и счастье также пройдутъ,
А вешнія воды вернутся къ намъ снова,
Лишь только въ лазури птенцы за-
поютъ!..

Юрьевъ. 1914.

* * *

Ѣду я дорогой долгой и тоскливой,
На багряныхъ тучахъ улетаетъ день;

Край, ты мой родимый, жалкій, мол- 61
чаливый;

Рѣдкія избенки бѣдныхъ деревень!..

Бду я далекой, скучною дорогой,
Въ небесахъ туманныхъ умираетъ
день;

Край, ты мой родимый, край, ты мой
убогій,

Рѣдкія избенки бѣдныхъ деревень!..

1915.

* *
*

Ветхая изгородь, садъ полудикій;
Грядки травой убогой покрытыя —
Цѣпи безмолвной, какъ мгла, повелики;
Годы прошедшіе, думы забытыя!..

1915.

* *
*

Мысли завѣтныя, думы любимыя,
Свѣтлой надеждой полны;
Вновь зарождаются неотразимыя
Ночью, съ мерцаньемъ луны...

И, подъ чарующей властью сіянія —
Свѣта холодной волны,

И сладкихъ, тихихъ думъ — живую
благодать...

63

Въ нихъ, точно на-яву — проходятъ
предо мною

Всѣ думы прошлаго, которымъ нѣтъ
забвенья!...

Тилле. 1920.

Мнѣ снилось — будто я достигъ
разгадки тайны сокровенной, смыслъ
всѣхъ законовъ міровыхъ и мірозданья
первый мигъ и то, что будетъ со все-
ленной!..

И стало очень скучно мнѣ... жить
безъ стремленій — не отрада, какъ-бы
на медленномъ огнѣ душа тлѣть бу-
детъ въ этомъ снѣ, не зная, какъ
проснуться надо!..

1916.

Дачникамъ.

Ѣдутъ скучные, Ѣдутъ мрачные —
Злополучные люди дачные,
Пожелтѣвшіе и несчастные —
Притерпѣвшіе дни ненастные!..

Въ городъ блѣдные ѣдутъ дачники —
„Грѣйтесь, блѣдные неудачники!“

Бѣлгородъ. 1918.

Потокъ.

[На стихотвореніе А. С. Пушкина —
„Цвѣтокъ“].

Потокъ шумящій безымянный,
Плеская струйки въ тишинѣ —
Мой взоръ привлекъ къ себѣ печальный
Игрой своей наединѣ...

Хотѣлъ-бы знать — откуда мчишься?..
Куда? Зачѣмъ въ тиши стремишься?..
И часто-ль, ты, порою знойной
Псилъ гостей водой холодной?..

Кто былъ изъ смертныхъ и когда?..
О чемъ шепталъ, ты, имъ тогда?..
Иль они только освѣжались
И снова въ дальній путь пускались...

И кто еще изъ бывшихъ здѣсь
Тебя до-селѣ не забылъ?..
Иль ты, какъ все на этомъ свѣтѣ —
Давнымъ-давно уже забытъ!..

Теперь, сижу я одинокий
И слышу струй твоихъ игру...
Повѣдай-же потокъ студеной
Душѣ измученной судьбу!!.

Печеры. 1920.

* * *

Я люблю мигъ сбрасыванія маски...
Я люблю поэзію конца, —
Въ страшный часъ мучительной раз-
вязки
Содроганье блѣднаго лица.

Я люблю послѣдній мигъ заката,
Предугасный трепеть огонька
И предсмертный вылетъ аромата
Изъ груди осенняго цвѣтка.

Страшенъ мнѣ лишь путь перво-
начальный,
Что ведетъ въ далекіе пути...
Я люблю эпохи день прощальный,
Я люблю послѣднее „прости“...

Нынче всѣ министры
Ѣздятъ очень быстро
Съ края и до края,
Все обозрѣвая.
Вышелъ вамъ, вельможи,
Промыселъ отхожій
При большихъ прогонахъ,
Даровыхъ вагонахъ,
Царскія вамъ встрѣчи,
Съ хлѣбомъ-солью рѣчи;
Шумныя оваціи,
Флаги, иллюминаціи,
А народу, поглядишь,
Отъ обѣдовъ этихъ — шишь!
Даже еще хуже, —
Скрутятъ, да потуже;
Но чтобъ зря намъ не гадать,
А навѣрное узнать,
Правда-ли все это —
Спросимъ лучше ЭХО.

Что у васъ министры были?

67

Были!..

Ваши нужды разсмотрѣли?

Ѣ - ѣли!..

Какъ-же съ вами поступили?

П - пили!..

Справедливо-ли, умно-ль?

Н - о - о - ль!..

Вышнеградскій пріѣзжалъ?

Ж - а - а - ль!..

Кризисъ общій разобралъ?

Бр - а - а - ль!..

Чѣмъ же конченъ разговоръ?

В - о - о - рь!..

Такъ что вышла ерунда?

Д - а - а!..

Сдѣлалъ-ли что Гюббенетъ?

Н - ѣ - ѣ - ть!..

Въ просвѣщеніи есть успѣхъ?

Э - э - хъ!..

А въ хозяйствѣ и лѣсахъ?

А - а - а - хъ!..

68 Развѣ-жъ такъ Островскій плохъ?
О - о - хъ!..
О Занновскомъ какой слухъ?
У - у - хъ!..
Какъ нашли вы контролера?
Ера!..
Ну, а прокуроръ небесь?
Б - ъ - ъ - сь!..
Ждете снова на весну ихъ?
Ну - ихъ!..
Стоило - ли принимать ихъ?
.....!

ЧЕРНИЦА.

Б ы л ь в ь с т и х а х ь .

I.

Кому случится изъ столицы,
Покинувъ шумный Петроградъ,
Попастъ на жительство въ станицы —
Тотъ, не скажу, что будетъ радъ...
Великосвѣтское веселье:
Балы, театры, кутежи

Наскучить могутъ отъ бездѣлья,
Но промѣнять ихъ... жить въ глуши...
Въ какой-нибудь станицѣ юга,
Девизъ которой тишь, да гладь,
Провинціальной жизни скука,
(За то ужъ Божья благодать),
Не согласится ни одинъ
Гостинный патріотъ столичный,
Не получивъ реваншъ приличный
За захолустный карантинъ...
И, вотъ, въ подобную трущобу
Отъ шумныхъ Невскихъ береговъ
Судьбѣ, злой мачихѣ, въ угоду
Попалъ поручикъ Чернышовъ...
Любитель сильныхъ ощущеній,
Съ натурой страстной, огневой,
Въ дѣлахъ интимныхъ похожденій
Салономъ признанный герой...
А здѣсь, въ станицѣ, гдѣ интриги,
Въ далекой дѣвственной глуши? —
Здѣсь жизнь отшельника влачи,
Надѣвъ смиренія вериги...
Красивъ былъ юноша лицомъ,
Высокій ростомъ, статень, строень,
Пушистый усъ вился кольцомъ,

А взгляды очей глубоки и зноены...
Живя въ столицѣ bonvivant'омъ,
Бросая злато, какъ гроши,
Чрезъ года три съ пустымъ карманомъ
Какъ ракъ, остался на мели...
Онъ началъ пить съ тоски и горя,
Кляня печальный свой удѣлъ, —
И въ этой жизненной юдоли
Ждалъ испытанію предѣлъ...
Ничто не вѣчно подъ луною,
Всегда измѣнчива судьба,
И по скрижалямъ бытія
Идутъ событія волною...

II.

Въ заглохшемъ липовомъ бору,
На живописномъ берегу
Лѣснаго озера, ютилась
Обитель русскихъ магдалинъ.
Давно-ль отъ міра отрѣшилась,
Принявши иноческій санъ,
И кѣмъ основана святыня,
О томъ преданье не гласить,
И православія рабыня

Печать смиренія хранить...
Порою колокольный звонъ,
Въ пространствѣ эхомъ замирая,
Къ молитвѣ прихожанъ сзывая
Гудить, держа суровый тонъ...
Влекомый колокольнымъ звономъ
Въ одинъ предпраздничный денекъ,
Въ субботу, ужь подъ вечерокъ,
Покончивъ службу съ эскадрономъ,
Помчался воинъ молодой
Къ вратамъ обители святой...
Его влекло не богомолье
На монастырское подворье,
А голосъ внутренній шепталъ:
„Ты тамъ найдешь свой идеаль“...
Блестить огнями храмъ святой,
Народъ молитвою объятый,
И нашъ поручикъ молодой,
Коня оставивъ за оградой,
Вошелъ въ храмъ Божій, но душа
Его чужда была молитвѣ,
И, какъ у воина средь битвы,
Надеждой искрились глаза...
Служенье шло и инокини,
Какъ тѣни съ черною фатой,

Согласно уставной доктринѣ,
Внося смиренье и покой,
Ходили тихою стопой...
Поручикъ любопытнымъ взглядомъ,
Скользя по траурнымъ нарядамъ,
Межъ юныхъ послушницъ искалъ
Свой совершенства идеаль...
И, вдругъ, зардѣвшись въ восхищеньи,
Онъ видитъ точно въ сновидѣньи,
Младую дѣву предъ собой...
Кровь къ сердцу хлынула волной...
Инстинкты пошлаго влеченья,
Чѣмъ былъ богатъ герой побѣдъ,
Вмигъ канули въ область забвенья,
Смѣтая низменности слѣдъ...
Внезапно въ чувствахъ обновленный,
Любовью въ сердце уязвленный,
Красой подвижницы молодой
Былъ отуманенъ нашъ герой...
„Ужъ служба кончена... Изъ храма
Пора уйти, Вамъ господинъ!“
Звучала старицы октава...
Очнувшись... видитъ... онъ одинъ...
И на монахиню сѣдую,
Взглянувъ ревниво, вышелъ вонъ...

А въ мысляхъ дѣву молодую
Онъ цѣловаль, мчась на кордонъ!..

73

III.

Обитель мирно почивала,
Окончивши дневной обѣтъ...
Лишь изъ оконъ кой-гдѣ бросали
Лампады тусклый, блѣдный свѣтъ...
Въ одной изъ келій отдаленной,
Передъ иконою склонясь,
Младой черницы преклоненной,
Молитва жаркая лилась...
Но подъ сорочкой бѣлоснѣжной
Волнуется молодая грудь,
Въ глазахъ горитъ огонь мятежный,
По тѣлу пробѣгаетъ жуть;
Младое сердце бьетъ тревогу,
Мысль настроенію чужда, —
И ко Всевышнему чертогу
Летятъ фальшивыя слова...
Не въ силахъ побороть волненье
Въ порывахъ страсти молодой,
Напрасны жаркія моленья...
Свершился жребій роковой...

Она была въ тотъ мигъ прекрасна,
Въ борьбѣ контрастныхъ чувствъ, горя...
Любовь всесильна и всевластна...
Къ тому-жъ, черница молода...
Взглядъ острый, пламенный мужчины
Пронзилъ ей сердце не шутя,
И, точно въ сѣткѣ паутины,
Всѣ мысли спутались тогда...
Въ душеспасительномъ обѣтѣ,
Среди молитвы и поста,
Она была, какъ на діэтѣ,
Мирскихъ соблазновъ далека...
Въ груди спокойно сердце билось,
Ничто мірское ей не снилось.
И монотонно жизнь текла
Среди сестеръ монастыря...
Но, вотъ, въ ней женщина проснулась,
Отъ новыхъ чувствъ, вся востре-
нулась, —

И подъ гипнозомъ жгучихъ глазъ
Заговорилъ природы гласъ...
Воспоминанья вереницей
Въ головкѣ пылкой пронеслись
И передъ юною черницей
Въ соблазна формы облеклись...

Всего три года лишь назадъ,
Оставивъ школьный свой нарядъ,
Черница наша тѣмъ же лѣтомъ
Къ подругѣ ѣздила гостить
И, выступая передъ свѣтомъ,
Житейской мудрости при этомъ,
Всю соль старалась уяснить...
Въ быту помѣщичьемъ не мало
Сюжетовъ жизненныхъ найдешь...
Бабуся внучкѣ передала,
А внуку дѣдъ, конечно, тожъ...
Итакъ, былого этикета,
Отъ старины до нашихъ дней,
Вся суть салоннаго сюжета
Еще не вышла изъ дверей
Дворянскихъ чопорныхъ семей...
Какъ нужно встать, какъ нужно сѣсть,
Какъ нужно за обѣдомъ ѣсть,
Гдѣ нужно реплику подать —
По-иностранному сказать;
Гдѣ улыбнуться, лишь слегка,
Но чтобъ смѣяться... никогда...
Ну, словомъ, общая наука
Великосвѣтскаго недуга...

Но наша юная черница,
Въ то время свѣтская дѣвица,
Хоть исполняла этикетъ,
Но не былъ ей приманкой свѣтъ...
Ей нравилось все то, что проще,
Безъ всякихъ вычурныхъ затѣй...
Аукаться, гуляя въ рощѣ,
Иль пѣть, чтобъ было веселѣй...
Деревню русскую любила
Съ ея житейской простотой
И въ ней отраду находила
И уносила къ ней мечтой...
На лонѣ дѣвственной природы,
Еще не вѣдая невзгоды,
Премило лѣто провела
И пышной розой расцвѣла...
Не думайте, что одиноко
Она скиталась по лѣсамъ
И зеленѣющимъ лугамъ...
Конечно, нѣтъ!.. По волѣ рока
Ей былъ назначенъ кавалеръ,
Кузень подруги, офицеръ,
Веселый нравомъ, недурень
И знающій всему сезонъ...
Въ цвѣтахъ и зелени природа

Подъ сѣнь укронную манить,
 А съ голубого небосвода
 Парящихъ птичекъ гимнъ звучить...
 По камешкамъ ручей прохладный
 Бѣжитъ и пѣнится порой,
 Кругомъ сонмъ бабочекъ нарядный
 И пчель жужжащихъ цѣлый рой
 Кружатъ, летая по лугу,
 Неравнодушныя къ цвѣтку;
 Во ржи кузнечики трещать,
 Кукушка издали кукуетъ,
 И гдѣ-то голубокъ воркуетъ,
 И дятлы дерево долбятъ...
 Природа вся оживлена —
 Цвѣточнымъ запахомъ полна...
 Вся прелесть лѣтняго сезона
 Конечно не удержать дома...
 И наша юная чета
 Того же мнѣнія была...

V.

Прогулки вмѣстѣ ежедневно
 Всегда повсюду têtê-à-têtê...
 „Что скажетъ Марья Алексѣвна,
 А вмѣстѣ съ нею цѣлый свѣтъ?“...

Такая фабула, конечно,
Ихъ не тревожила ничуть...
Моменты счастья скоротечны
И ускользящи, какъ лучъ...
На нашемъ жизненномъ перронѣ
Сіе — подобно аксіомѣ. —
У влаги ручейка холодной,
Подъ сѣнью липы вѣковой
Нерѣдко рыцарь благородный
Сидѣлъ съ красавицей молодой...
Божекъ любви, амуръ прелестный,
Укрывшійся въ тѣни древесной,
За юной парой наблюдалъ
И мѣшко стрѣлы въ нихъ пускалъ...
Симпатизируя другъ-другу,
Герои наши не шутя
Любви нехитрую науку
Познали, чувствомъ возгоря...
И въ поцѣлуй не разъ не два
Соединялись ихъ уста.
Конечно клятвы, увѣренья
И прочій ералашъ любви..
Такъ встарь водилось, безъ сомнѣнья,
Такъ водится и въ наши дни.
Но время мчится быстротечно...

Корнету отпускъ истекалъ...
И ихъ поэзіи сердечной
Ужъ часъ разлуки наступалъ.
Судьба ихъ скоро разлучила,
Онъ въ Петроградъ умчался вновь,
Но чувство къ ней его манило,
Волнуя пламенную кровь...
И долго, долго онъ грустилъ,
Пока въ пирушкахъ не забылъ...
Ее же бабушка сманила
Къ себѣ въ обитель навсегда
И нѣжной лаской подкупила,
Сироткѣ маму замѣня.
Она игуменьей въ то время
Была въ обители святой
И монастырской жизни бремя
Вела суровою рукой.
Тамъ, въ монастырской атмосферѣ
Пылъ чувства началъ утихать
И жизни свѣтской, въ юной дѣвѣ.
Привычки стали угасать.
Поработилъ уставъ суровый
Всѣ чувства въ дѣвѣ молодой,
Но не создалъ ей въ жизни новой
Душеспасительный покой!...

Я думаю, читатель мой,
Теперь знакомы Вамъ тѣ лица:
Поручикъ былъ корнетъ лихой,
Его кумиръ была черница...
Три года въ лету отошли
И съ ними первый пылъ любви,
Какъ вдругъ, въ стѣнахъ монастыря
Имъ рокомъ встрѣча суждена...
Былое чувство охватило
Еще сильнѣе ихъ сердца;
Ихъ вновь сближеніемъ манила
Любви чарующей пора...
И съ нетерпѣньемъ и надеждой
На утро встрѣчи ждали вновь,
И не дала сомкнуть имъ вѣжди
Всю ночь воскресшая любовь!..
Едва лишь колоколъ могучій
Къ обѣднѣ свой призывъ летучій
Всѣмъ возвѣстилъ, какъ на коня,
Надеждой встрѣчи весь горя,
Вскочилъ поручикъ и помчался
Къ вратамъ обители святой,
Конь на карьерѣ покрывался
Обильно пѣною густой...

Еще къ обѣднѣ до начала
Вошелъ поручикъ въ Божій храмъ —
Часы монахиня читала
И было мало прихожанъ,
Лишь сестры кое-гдѣ сновали
И съ удивленіемъ взирали
На офицера, точно тотъ
Былъ иностранный патріотъ...
Но тщетно зоркими очами
Искалъ поручикъ свой кумиръ,
Воображеніе мечтами
Въ немъ разжигало страсти пылъ,
Въ немъ сердце ревностно страдало,
А неизвѣстность раздражала
Нетерпѣливыя мечты —
Онъ былъ въ агоніи любви...
Но гдѣ-жъ черница молодая?
Что за таинственный секретъ?
Какая сила роковая
Ей въ храмъ быть дала запретъ?

VII.

У женщинъ много есть сноровокъ,
Чтобъ чувство испытать мужчинъ,
Изобрѣтателенъ и ловокъ

Ихъ умъ средь бытовыхъ картинъ.
Для дщери Евы искони
Судьбой данъ талисманъ любви,
И наша юная черница,
Хоть по натурѣ голубица,
Принципіально все-жъ была
Инстинктомъ чувствъ надѣлена...
Отъ нетерпѣнія сгорая
Въ объятія нѣжныя упасть,
Но прежде испытать желая
Въ немъ чувства искренняго власть,
Во храмъ Божіемъ на хорахъ
Она укрылась межъ колоннъ,
Слѣдя за нимъ ревнивымъ взоромъ
Очей, пылающихъ огнемъ...
Къ концу обѣдни внизъ сошла,
Покинувъ скрытое мѣстечко,
Борьба сомнѣній отошла
И счастьемъ билось въ ней сердечко...
Теперь ей ясно было, что не страстью,
Минутной чувственною властью,
Онъ былъ охваченъ и палимъ,
Но чувствомъ нѣсколько инымъ —
Весь поглощенный, какъ волной,
Любовью, сердцемъ и душой...

Обрядъ служенія свершился,
Пустьѣтъ понемногу храмъ...
Въ мечтахъ поручика разбился
Свиданья лучезарный планъ...
Изъ храма выходя унылый,
Онъ ощущалъ тяжелый сплинъ,
Но неотвязно обликъ милый
Стоялъ черницы передъ нимъ...
Судьба роль мачехи сыграла,
Его отъ счастья оторвала,
Эгоистично тѣша нравъ,
Всѣ грезы лучшія поправъ...
Судьбы капризы своевольны
И въ жизни нашей произвольны.
И часто забираютъ въ плѣнъ,
Когда не ждемъ мы ихъ совсѣмъ.

VIII.

Итакъ, съ разбитыми мечтами,
Отравой свѣжими слѣдами,
Съ душой, наполненной тоской,
Вернулся Чернышовъ домой...
Но гдѣ-жъ черница? Что случилось?
Онъ объяснить себѣ не могъ,
Лишь сердце въ немъ тревожно билось,

Былому подводя итогъ...
Но вѣроломству дѣвы юной
Не вѣрилъ онъ; ревнивой думой
Виталъ въ обители святой
Вокругъ черницы молодой...
Черница наша въ то же время,
Неся судьбы жестокой бремя,
Украдкой въ келіи одна
Была въ письмо погружена...
Посланье кончено... и вотъ
Секретно Чернышову шлетъ.
На утро шустрая служанка,
Привратница монастыря,
Въ кордонъ проникла спозоранка
И тамъ письмо передала,
Сказавъ, что съ утреннимъ разсвѣтомъ
Завтра будетъ за отвѣтомъ...
Вновь Чернышовъ воспрянулъ духомъ,
Письмо въ рукѣ, простясь съ недугомъ,
Державшимъ день его въ плѣну —
Онъ видитъ счастье на-яву...
„Мой милый другъ! она писала,
Три года канули съ тѣхъ поръ,
Какъ намъ судьба тогда послала
Разлуки грозный приговоръ...”

И, вотъ, теперь вчера мы снова
Случайно встрѣтились опять,
Хоть не сказали мы ни слова,
Но взглядомъ я могла понять
Души и сердца настроенье,
Твои порывы и стремленье
Къ любви, въ которой клятва насъ
Соединила въ первый разъ...
Сегодня въ церкви я была,
Украдкой за тобой слѣдила...
Прости, мой милый, но любя
Провѣрить чувства я рѣшила...
Вѣдь въ нашей юности мятежной
Три года перерывъ большой,
Ты могъ забыть нашъ лепетъ нѣжный,
Забывъ, увлечься могъ другой...
Теперь же, сбросивши сомнѣнья,
Я вѣрю въ искренность любви,
Тебя люблю я до забвенья
И о тебѣ мои мечты...
Но если чувство не серьезно
Въ тебѣ, и я ослѣплена —
Молю тебя, пока не поздно,
Оставь и не губи меня!"

Сталь Чернышовъ неузнаваемъ...
Письмомъ черницы упоень...
Жизнь впереди казалась раемъ...
Онъ былъ любимъ и былъ влюбленъ.
Объятый чувствомъ умиленья
Счастливыхъ грезъ своей любви
И лихорадочнымъ волненьемъ
Разбушевавшейся крови.
Въ экстазѣ чувствъ горѣлъ желаньемъ
Черницу милую обнять
И жгучимъ, пламеннымъ лобзаньемъ
Любовь на дѣлѣ доказать...
Онъ былъ готовъ летѣть къ черницѣ,
Завѣтныхъ думъ и грезъ царицѣ,
Но зная жизнь монастыря,
Рѣшилъ дожидаться до утра.
Сурова женская обитель...
Въ часъ неурочный никогда,
Ни штатскій, ни военный китель
Въ свои не впуститъ ворота...
Парламентера ожидая
На утро, пылкій Чернышовъ,
Въ посланьи чувства изливая,

X.

Письмо летитъ по назначенью
Къ вратамъ обители нѣмой,
Гдѣ дѣва въ велиемъ волненьи
Ужъ ждетъ конвертикъ роковой...
Вдругъ, легкій стукъ... и дверь от-
крыта...

Письмо привратница даетъ,
Но тайна подъ печатью скрыта...
Конвертъ поспѣшно дѣва рветъ...
Въ волненьи чувства сладко млѣютъ,
Взглядъ лихорадочный блескитъ,
Ланиты ярко пламенѣютъ,
Въ ея рукахъ письмо дрожить...
Онъ пишетъ ей: „Любовью чистой
Вновь озаренъ мой путь тернистый...
На сердцѣ радость и весна —
Ты-жъ путеводная звѣзда,
Моя подруга дорогая,
Сердечныхъ грезъ моихъ мечта,
Надежда въ жизни золотая,

Голубка нѣжная моя!...
Боготворю я, какъ святыню,
Твою любовь; Молю тебя!...
Оставь нарядъ свой инокини,
Будь мнѣ подругой навсегда,
Я жажду нашего свиданья
И сердце, полное страданья
Къ любви стремится, и душа
Тобою лишь оживлена!“ ...

XI.

Уже послѣдній лучъ заката
Погасъ въ сіяньи золотомъ,
И монастырская ограда
Бѣлѣетъ въ сумракѣ ночномъ.
Царить спокойствіе земное,
Обитель въ сонъ погружена;
Вокругъ безмолвіе ночное,
Ночь тайной прелести полна...
И только липы великаны,
Столѣтней жизни ветераны,
Листвою тихо шелестятъ,
Какъ будто сказки говорятъ...
Ихъ чудодѣйственныя сказки
Полны любви и нѣжной ласки,

И внемлетъ имъ въ тиши ночной
 Душа черницы молодой.
 Истомой сладостной полна,
 Сердечнымъ къ милому влеченьемъ,
 Подъ кровомъ липъ теперь она
 Свиданья жаждетъ съ нетерпѣньемъ...
 Какъ тать, крадется вдоль ограды
 Къ условнымъ липамъ Чернышовъ...
 Влюбленнымъ нѣтъ нигдѣ преграды
 Проникнуть подъ желанный кровъ.
 И предъ черницей въ часъ ночной
 Предсталъ воочію герой...
 Божекъ крылатый торжествуетъ,
 Въ нихъ чувства чарами полны...
 Запрета нѣтъ для поцѣлуевъ
 И нѣтъ преграды для любви...

XII.

Съ той ночи нѣжнаго свиданья
 Нерѣдко липы въ часъ ночной
 Нѣмымъ свидѣтелемъ признанья
 Являлись пары молодой...
 Подъ сѣнью липъ въ ночной тиши
 Полна поэзія любви.
 Мечтамъ и грезамъ нѣтъ предѣла

И поцѣлюямъ нѣтъ конца,
 И зорька счастья алѣла
 Въ надеждѣ близкаго вѣнца.
 Нарядъ печальный инокинѣ,
 Былъ лишнимъ бременемъ отнынѣ,
 И жизнь въ стѣнахъ монастыря
 Была душѣ ея чужда...
 Для новой жизни за ограду
 Ее желанія влекутъ,
 На ту житейскую эстраду,
 Гдѣ чувствамъ цѣнность придаютъ,
 Гдѣ для себя и для другихъ
 Живутъ для сердца дорогихъ...
 Черница жизнью тяготилась
 Среди угрюмыхъ, тихихъ стѣнъ,
 И съ каждымъ новымъ днемъ стреми-
 лась
 Скорѣе сбросить этотъ плѣнъ.
 Скорѣй на волю, стать подругой
 И нѣжнолюбящей супругой,
 Соединившись навсегда
 Съ нимъ у святого алтаря...

XIII.

Въ концѣ іюля, въ ночь глухую,
 При завываніи вѣтровъ

Въ обитель дѣвственицъ святую
 Проникъ отважный Чернышовъ.
 Съ собой для дѣвы черноокой
 Онъ платье свѣтское привезъ
 И въ часъ полуночи глубокой,
 Ласкаль свою богиню грезъ...
 Подъ шепотъ липъ въ послѣдній разъ
 Свиданій тайныхъ пробилъ часъ;
 И изъ обители святой
 Исчезла дѣва молодая —
 Шептались липы межъ собой,
 Привѣтъ прощальный посылая...

XIV.

Забрежжилъ лучъ златой денницы;
 Обитель мирная встаетъ;
 Лишь тихо въ келіи черницы,
 Въ ней слабый свѣтъ лампада льетъ...
 Къ полудню вѣстью роковой
 Смущенъ монастырь покой...
 Черницы нѣтъ... Ее искали...
 Лишь въ келіи нашли одинъ
 Нарядъ сподвижницы печали,
 Но онъ былъ вѣстникомъ нѣмымъ!...

